

Л. А. Пименова

ЛЮДОВИК XVI — ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Человек эпохи Просвещения.

М.: Наука. 1999. С.3-14.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

В результате исследований последних десятилетий существенно обновились представления об идейно-культурной атмосфере старого порядка, в частности предметом внимательного изучения стала политическая культура того времени¹. Современная историография отказалась от представлений о государстве и правящей элите старого порядка как о монолитных феноменах и обратила внимание на их внутренние конфликты, в частности на различия в восприятии и использовании ими новой общественной мысли и культуры Просвещения. Среди людей, правивших Францией в конце старого порядка, были те, кого и современники и историки всегда признавали “людьми века Просвещения” (например, министры Людовика XVI Тюрго и Мальзерб). Однако подчас — и небезосновательно — “детьми века Просвещения” называли и таких на первый взгляд далеких от просветительских идей политиков, как “Ментор” Людовика XVI Морепа и генерал-лейтенант парижской полиции Ленуар². Что же касается монархов, то “монархом века Просвещения” во Франции обычно признают Людовика XV: в нем видят человека, близкого просветительской культуре, и с его именем связывают ряд политических мер в духе так называемого просвещенного абсолютизма³. Но в не меньшей мере “сыном своего века” был и его набожный и застенчивый внук, увлеченный охотой и слесарным делом.

Задача данного очерка — обрисовать в общих чертах, во-первых, как в годы правления Людовика XVI менялся общепринятый традиционный образ французского монарха и, во-вторых, каким королем был Людовик XVI, т.е. в чем его поведение оставалось традиционным, а в чем нет, в чем оно объяснялось его индивидуальными качествами, а в чем веяниями времени.

Интеллектуальная атмосфера к моменту восшествия на престол Людовика XVI в 1774 г. характеризовалась рядом факторов: - распространялись идеи Просвещения, утверждались новые представления о природе власти, подвергались сомнению традиционный образ монарха и идеология абсолютной монархии; - существенным признаком новой мыслительной парадигмы являлось противопоставление старого и нового, общество было одержимо жадной обновлением; - парламентская реформа Мопу 1771—1774 гг. (ропуск старых парламентов, замена их новыми с ограниченной компетенцией и отмена наследственных прав собственности на судейские должности) вызвала в стране идейный кризис. До того общественное мнение признавало, что французский король соблюдает законы. Именно в этом, согласно авторитетному определению Монтескье, состояло принципиальное отличие монархии от деспотизма: монарх правит по закону, а деспот — сообразно собственным капризам. Реформа Мопу продемонстрировала, что во Франции нет политических институтов, которые помешали бы королю нарушить закон. Французскую монархию стали обвинять в деспотизме и требовать ответственности министров короля перед подданными.

Таким образом, Людовик XVI стал королем в тот момент, когда традиционный образ монарха подвергался критическому переосмыслению. Еще в годы реформы Мопу появилась масса политико-юридической литературы о королевской власти и монархии. Часть этой литературы была впоследствии переиздана в 1775 г. в связи с коронацией Людовика XVI⁴.

В своих представлениях о короле и монархии современники были далеки от единодушия. Одни сохранили верность традиционному образу короля милостью Божией, наделенного безраздельной суверенной властью и свободного от ответственности перед подданными, хотя и обязанного соблюдать основополагающие законы страны. Приверженцем традиционных представлений был сам молодой король и ряд его приближенных, в частности из среды духовенства.

Прямую противоположность этим взглядам являло собой скептически-рационалистическое отношение к идее божественности королевской власти. Основополагающая в рамках традиционных представлений церемония помазания на царство объявлялась дорогостоящим спектаклем, смысл которого заключался в том, чтобы произвести впечатление на народ и убедить его в якобы божественном происхождении власти короля. Подобные критические взгляды пропагандировались не только вечно всем недовольными публицистами и юристами-маргиналами. Один из критиков оказался в числе влиятельнейших лиц в королевстве: речь идет о генеральном контролере финансов Тюрго.

Предпринимались также попытки осмыслить традицию в категориях политической мысли XVIII в. Помазание на царство трактовалось как заключение общественного договора между королем и его подданными. Авторы выдержанных в таком духе сочинений обращали особое внимание на клятвы, которые согласно традиции король давал во время коронации. Подобные взгляды были хорошо известны Людовику XVI. Вечером накануне коронации он прослушал проповедь архиепископа Эксского Буажелена, “просвещенного” прелата и друга Тюрго. Проповедь содержала не слишком явную, но понятную слушателям критику реформы Мопу и рассуждения об обязанности короля править только сообразно законам.

Король уловил изменение интеллектуальной атмосферы и по-своему на него отреагировал. Он и его окружение сами способствовали распространению идеи обновления. Противопоставление старого и нового, ставшее впоследствии одной из определяющих черт революционного дискурса, витало в воздухе уже по крайней мере со второй половины 70-х годов XVIII в.⁵ Внешний толчок внедрению “обновленческой” риторики дала смена правителя: молодой король пришел на смену старому. Со времени восшествия на престол Людовика XVI идеей пришествия нового мира питались все рассуждения о политике как проправительственного, так и оппозиционного характера.

Началось все еще с коронации нового монарха в Реймсе в 1775 г.⁶ Когда король прибывал в город на церемонию коронации, его торжественный вход сопровождался шествием с “живыми картинами”. В XVII в. действующими лицами таких картин были античные герои: Геркулес, Ахилл, Александр Македонский. Сквозной темой коронации Людовика XVI стала тема обновления. Торжественный въезд короля в Реймс сопровождался надписями и девизами: “Я возвещаю вам благословенную зарю прекрасных дней” (надпись на цоколе статуи Правосудия⁷), “redeunt Saturnia regna”⁸. В последнем изречении подразумевалось, что на смену войнам придет мир. Впоследствии тема миролюбия будет постоянно звучать и станет важным элементом образа Людовика XVI-монарха.

Существенно, что и сам король, и высшее духовенство понимали обновление как религиозное возрождение французского народа. Церемония в Реймсе должна была дать первоначальный импульс процессу религиозного и нравственного возрождения, по мысли короля совершенно необходимого для спасения страны, которая пребывала в бедственном положении.

Еще в мае 1774 г. в ходе долгой беседы между только что взошедшим на престол Людовиком XVI и генерал-лейтенантом парижской полиции Сартином король будто бы сказал знаменательные слова: “Позаботьтесь, сударь, о реформе нравов в столице, а я позабочусь о том, чтобы реформировать нравы двора”⁹. Произносил король данную фразу при указанных обстоятельствах или нет, но стремление “реформировать нравы” путем возрождения религии у него несомненно было. Он лично подавал пример неукоснительного соблюдения правил церковной жизни.

Тема обновления, возникнув с приходом нового монарха, продолжала звучать и потом. В 1781 г. аббат Мори говорил в великопостной проповеди в придворной церкви: “Государство состарилось в течение столь долгого царствования; Вы, Сир, омолодили Францию”¹⁰.

Эта тема была созвучна идеям века Просвещения и впоследствии стала важным элементом революционной идеологии, но в оппозиционном лагере она получила принципиально иную трактовку, нежели в правительственных кругах. Если король надеялся сам стать силой обновления и возрождения, то для оппозиционных “философов” вся правящая верхушка была олицетворением старого мира, клонящегося к упадку. Другое важное отличие состояло в том, что “философы” мыслили обновление как создание рационально организованного общества, соответствующего человеческой природе. Для Людовика XVI, как уже говорилось, это было религиозное обновление¹¹ и возврат к идеализированному прошлому. В этих устремлениях Людовика XVI заметно сильное влияние его любимого автора — Фенелона.

Правление Людовика XVI ознаменовалось попытками создать новый образ монарха, отличный как от классического образа Людовика Великого (Louis le Grand), так и от ставшего негативным образа Людовика Возлюбленного (Louis le Bien-aimé).

У Людовика XVI были два положительных образа: Людовик Суровый (Louis le Sévère) и Людовик Благодетель (Louis le Bienfaisant). Создание и того и другого имело причины как индивидуально-психологического, так и идеологического характера. Образ Людовика Сурового отвечал глубокой религиозности короля, его стремлению изменить нравы; он явно контрастировал с образом легкомысленного предшественника. На создание образа Людовика Сурового повлияли и личные качества монарха: его природная застенчивость, угловатость, грубоватость поведения, неловкость в общении с людьми, неумение расположить их к себе. Но этот образ не прижился; видимо, он требовал большей силы характера, чем та, которой обладал монарх. О Людовике Суровом говорили лишь в первые месяцы нового царствования, и после 1774 г. упоминания о нем исчезают.

Образ Людовика Благодетеля, в котором так же, как и в предыдущем, скрыта антитеза образу Людовика XV (“Louis le Bienfaisant” — “Louis le Bien-aimé”), существовал на всем протяжении царствования Людовика XVI, вплоть до начала революции (пропагандировавшийся тогда образ “Людовика — восстановителя французской свободы” представлял собой не что иное, как модификацию образа Людовика Благодетеля). Правда, и эта маска так и не приросла окончательно к лицу короля. В сознании современников и потомков все затмил негативный образ несостоятельного мужа бесстыжей Туанетты¹². Кроме того, перипетии революции вообще заставили забыть многие из распространенных прежде представлений. Но в конце старого порядка образ доброго короля, отца и друга своего народа пропагандировался постоянно и в самых разных формах: в официальных газетах, лубочных картинках, рассказах, передававшихся из уст в уста. Еще про дофина, а затем про короля Людовика ходили анекдоты о том, как он будто бы без свиты, переодевшись, гуляет по окрестностям Версаля и помогает бедным людям. Вот одна из таких историй, рассказанная современником. Однажды король вышел из Версальского дворца без свиты, но один из гвардейцев все-таки решил проследить за ним и увидел, как король зашел в какой-то дом. Гвардеец узнал от соседей, что в этом доме живет очень бедная семья. Когда король выходил из дома, его дожидалось у дверей множество гвардейцев и приближенных, и король, смеясь, воскликнул: “Черт побери, господа, от вас невозможно уйти искать приключений”¹³.

Подобные истории вовсе не обязательно соответствовали реальным событиям, но некую почву под собой они несомненно имели. По-видимому, король и впрямь по натуре был человеком добрым и гуманным и хотел помочь бедному народу. Но возникает вопрос, почему, обладая всей полнотой власти в королевстве, он помогал своим неимущим подданным столь странным и малоэффективным способом. Очевидно, помощь бедным не была самоцелью или по крайней мере единственной целью короля. Помогая бедным, он стремился подражать Генриху IV, точнее, сложившемуся к тому времени образу Генриха IV. Очень часто рассказчики таких историй прямо говорят о том, что, прогуливаясь по Версалю инкогнито, Людовик XVI имитировал поведение Генриха IV¹⁴.

В Париже, в коллекции эстампов Национальной библиотеки, есть целый ряд замечательных изображений такого рода. На одних эстампах Людовик XVI и Генрих IV просто изображены рядом, на других это сопоставление сделано в более иносказательной, хотя и вполне ясной, форме. Примером может служить существующий в нескольких вариантах эстамп под названием “Курица в горшке”. Трогательный сюжет истории, неоднократно описанной и запечатленной в рисунках и стихах, таков: однажды Людовик и Мария-Антуанетта встретили бедную девочку, которая несла похлебку семье на обед; августейшие супруги попробовали похлебку и, оценив, сколь она скверна, дали девочке 4 души и велели, чтобы она отнесла эти деньги отцу¹⁵.

ЛЮДОВИК XVI — ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Просмотр этих эстампов дает наглядное представление о том, с кем из королев-предшественников изображали вместе, а значит, и сопоставляли Людовика XVI. Неудивительно, что почти отсутствуют его изображения вместе с дискредитированным Людовиком XV. Гораздо примечательнее то, что крайне редко встречаются двойные портреты Людовика XVI и Людовика XIV. Чаще всего Людовик XVI изображен в компании Генриха IV и Людовика XII. Появление первого из них выглядит вполне закономерным. Во Франции XVIII в. Генрих IV был общепризнанным кумиром: достаточно вспомнить хотя бы “Генриаду” Вольтера. Второй образ был несравнимо менее ярким, и его появление рядом с портретом царствующего монарха на первый взгляд кажется менее оправданным. Однако этот выбор был по-своему логичен. Он объяснялся тем, что

образцами для подражания становились не “великие короли” (Людовик Великий), а “добрые короли”¹⁷. Надо думать, что это отвечало и поискам нового образа монарха, и индивидуальным особенностям Людовика XVI.

В создании этого образа участвовали и расхожие определения монарха: “друг народа”, “отец подданных”, “король-гражданин”. Такого рода определения встречаются в самых разных текстах: и в подписях к гравюрам¹⁸ и лубочным картинкам, и в церковных проповедях, и в официальных речах¹⁹. Причем их появление отнюдь не связано с обстановкой предреволюционного кризиса 1787—1789 гг., они зазвучали с самых первых лет царствования Людовика XVI.

Итак, мы видим, что в годы правления Людовика XVI создавался новый образ короля, отличающийся от того классического образа абсолютного монарха, который был задан Людовиком XIV. В то же самое время делались попытки вообще обновить идеологию абсолютной монархии. Они были отмечены своеобразным восприятием просветительской риторики и некоторых широко распространенных просветительских идей. Однако эта тема заслуживает отдельного разговора. Сейчас же мы рассмотрим то, как сам Людовик XVI трактовал расхожие понятия XVIII в. Ни в коей мере, конечно же, не являясь “философом на троне”, он из всех французских Бурбонов получил наиболее солидное образование²⁰. Он освоил приличествующий просвещенному вельможе его времени набор книг, наук и ремесел. По складу ума он был склонен к эмпиризму и предпочитал факты теориям. “Схематично” (“schématique”) для него было бранным словом, означавшим нечто ошибочное, неверное. Вместе с тем Людовик XVI являл собой тип книжного человека. Он правил страной, которую совсем не видел, и при этом плохо знал даже Париж. До бегства в Варенн ему довелось побывать только в Шербуре на строительстве военного порта.

Однако не все европейские монархи века Просвещения были такими домоседами. Вспомним, что Иосиф II Габсбург наведывался в Париж к сестре и деверю. Более того, в 1777 г. Иосиф II проехал по всей Франции, посетив Руан, Сен-Мало, Брест, Нант, Ларошель, Бордо, Тулузу, Монпелье, Марсель, Тулон, Лион, не считая более мелких городов²¹. Современники говорили, что в Париже Иосифа II особенно поразило здание Дома инвалидов. После его осмотра между двумя монархами будто бы произошел следующий разговор. “Вы обладаете прекраснейшим зданием в Европе,” — сказал Иосиф II. “Каким же?” — спросил Людовик. — “Домом инвалидов.” — “Да, так говорят”. — “Как, разве вы до сих пор не видели этого здания?” “Право же, нет”²². Мы не можем утверждать, что такой разговор действительно имел место, но известно, что Дома инвалидов Людовик XVI до того времени не посещал.

В идейном отношении Людовик XVI был верным учеником Фенелона. Он усвоил фенелоновскую концепцию абсолютной монархии и следовал ей в своем поведении²³. Своеобразное восприятие им расхожих идей века Просвещения, в частности его понимание естественного права, обусловлено тем, какую трактовку этим идеям давал Фенелон; его гуманистическая установка и отношение к войне и миру тоже сформировались под воздействием Фенелона²⁴.

В 12-летнем возрасте дофин Людовик написал брошюру “Взятые из Телемаха моральные и политические максимы о науке царствовать и о счастье народов”. Он отпечатал 25 экземпляров своего сочинения для членов королевской семьи. Дед Людовик XV прочел его и велел все уничтожить и разбить печатную доску. Зато сохранились более поздние “Размышления” Людовика XVI о беседах с воспитателем, герцогом де Ла Вогийоном, и крайне немногочисленные маргиналии и заметки зрелых лет. Его литературное наследие вообще скудно, причем оно не содержит рассуждений морального и политического характера, за исключением разве что юношеских сочинений. В последних, в частности о естественном праве, дофин Людовик пишет следующее: “Я должен рассматривать всех людей как равных и независимых согласно естественному праву”²⁵. Из этого следует, по его мнению, что надо любить Бога, любить родителей и быть им благодарным, уважать их и подчиняться им. Следует также быть благодарным всем тем, кто делает тебе добро, и всегда вознаграждать их за службу. Такой ход мыслей способен вызвать недоумение, если понимать естественное право так, как понимали его энциклопедисты. Но Людовик в трактовке этой категории следовал за Фенелоном, а для того естественное право являлось синонимом Божественного права, сердцевину которого составляли 10 заповедей. Учитывая возможность такого осмысления

естественного права, следует признать размышления дофина Людовика вполне логичными. Далее он развивал начатую тему и писал о том, как король должен уважать естественное право. По его мысли, хорошее правление должно быть основано на человечности, доброте и благотворительности, а человечность состоит в соблюдении прав человека. Права человека — это естественные права. “Есть четыре естественных права, которые государь обязан хранить для каждого из подданных; они исходят от самого Бога и первичны по отношению к любым политическим и гражданским законам: это жизнь, честь, свобода и собственность на имущество, которым владеет каждый индивид”²⁶. Впоследствии он уже не говорил на эту тему столь подробно, хотя известны и более поздние его высказывания о доброте и человечности. Все это вполне соответствует создававшемуся при нем образу короля-благодетеля, одновременно и друга, и отца народа. Фенелоном же был навеян и образ короля-миротворца. В соответствии с этим стереотипом в конце 70-х годов, когда решался вопрос об участии Франции в войне против Англии, было принято говорить, что общественное мнение Франции — за войну, а король, известный своим миролюбием, против²⁷.

В XVIII в. шел процесс разграничения публичной и частной сфер²⁸. В классическом придворном обществе Людовика XIV не было частной жизни. Жизнь короля и двора была целиком и по сути своей публичной и представительной (“la vie représentative”). Придворное общество времени Людовика XVI во многом еще сохраняло эти традиционные черты. Этикет и нормы поведения мало эволюционировали со времени Людовика XIV. Самые интимные (разумеется, если судить с точки зрения человека более позднего времени) подробности жизни короля и королевской семьи были делом не частным, а публичным и становились предметом обсуждений. В обществе говорили — а кое-кто и сообщал своим иностранным корреспондентам — о том, как королю и королеве промывали желудок, были месячные или нет у жены графа Прованского; королеве приходилось рожать публично, а газеты подробно информировали о том, как проходили роды и т.п.²⁹ Но у самого Людовика XVI явно прослеживается стремление защитить свою частную жизнь от посторонних глаз. “Представительная жизнь” его тяготила и противоречила его личным вкусам “короля-буржуа”. Отчасти с этим связаны и многие его проблемы во взаимоотношениях с современниками. Очень мало с кем из приближенных король вел себя свободно и раскованно, как, например, с Морепа или Верженном. В свете сказанного уместно заглянуть и в знаменитый дневник Людовика XVI — документ, не раз служивший основанием для выводов о крайнем духовном и интеллектуальном убожестве его автора³⁰. Этот дневник по замыслу не должен был содержать в себе ничего, кроме перечня количества дичи, убитой на охоте, и официальных мероприятий, состоявшихся в тот или иной день. Людовик как личность в нем себя совершенно не раскрывает. Он вообще не любил публичных мероприятий, не умел держаться на публике и произносить речи, предпочитая работу в одиночестве в кабинете и общество близких людей, с которыми не надо было соблюдать предписаний этикета. При нем вошли в обычай ужины в узком кругу, проходившие часто у сестры короля Елизаветы, где упразднились предписания этикета. Во время таких вечеров слуг отпускали и все сами распоряжались за столом, как хотели. Вкусы короля в этом смысле соответствовали нравам его времени³¹. Таким образом, в рассуждениях и в поведении Людовика XVI мы можем обнаружить и следование традиции, и новизну. Причем, с одной стороны, за официальной “обновленческой” риторикой могли стоять меры, не содержавшие принципиальной новизны. С другой стороны, король был “человеком своего времени” даже тогда, когда защищал традицию (в частности, неизменность придворного ритуала), пытался ей следовать, но и одновременно опровергал ее своим поведением.

Л. А. Пименова
ЛЮДОВИК XVI — ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Примечания

¹ В первую очередь необходимо отметить исследования американских и французских историков: К.Бейкера, Л.Хант, В.Грудер и Р.Шартье, Ф.Фюре, М.Озуф.

² См., например: *Chevallier P.* Les philosophes et le lieutenant de police (1775-1785) *French Studies*. 1963. Vol.17, N 2. P.105-120.

- ³ Laugier L. Un ministère réformateur sous Louis XV: Le Triumvirat (1770 — 1774). P., 1975; Trénard L. L'absolutisme éclairé: le cas français Annales Historiques de la Révolution française. 1979. N 4. P.627—646.
- ⁴ Современные исследования выявили разнообразие идей и мнений относительно природы королевской власти, присущих французам века Просвещения. См.: Baker K.M. French political thought at the accession of Louis XVI Journal of Modern History. 1978. N 2. P.279-303; Valensise M. Le sacre du roi: stratégie symbolique et doctrine politique de la monarchie française Annales: Economies, Sociétés, Civilisations. 1986. N 3. P.543—577; Merrick J.W. The desacralization of the French monarchy in the eighteenth century. Louisiana State Univ. Press, 1990. Последующее изложение различных представлений о королевской власти опирается на результаты указанных исследований.
- ⁵ Baecque A. de. Le discours anti-noble (1787—1792) aux engins d'un slogan: "Le peuple contre les gros" Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1989. N 1. P.3-28.
- ⁶ Описание коронации Людовика XVI см.: Le Goff. Reims, ville du sacre Les lieux de mémoire. P., 1986. Vol. 2, pt.1. P.138-165.
- ⁷ Об аллегориях, связанных с образом короля, см.: Baecque A. de. Le corps de l'histoire: Métaphores et politique (1770-1800). P., 1993. P.45-98.
- ⁸ "Возвращается Сатурново царство" (цитата из Вергилия).
- ⁹ Об этом пишет в своем "Дневнике" книготорговец Симеон Проспер Арди, ссылаясь на то, что "так говорят": Hardy S.P. Mes loisirs, ou Journal d'événements, tels qu'ils parviennent à ma connaissance. (Рукопись: Bibliothèque Nationale. Ms. fr. 6681. P.343.)
- ¹⁰ Об этом пишет в своих воспоминаниях "историограф Франции" Ж.Н. Моро: Moreau J.N. Mes souvenirs. P., 1901. T.2. P.311-312.
- ¹¹ Примечательно, что именно о набожности нового монарха более всего сожалел Вольтер.
- ¹² Карикатурный образ короля и королевской семьи стал предметом двух интересных исследований: Duprat A. Le roi décapité: essai sur les imaginaires politiques. P., 1992; Thomas Ch. La reine scélérate: Marie-Antoinette dans les pamphlets. P., 1989.
- ¹³ Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792 Publ. par M. de Lescure. P., 1866. T.1. P.25.
- ¹⁴ См., например: Hardy S.P. Mes loisirs... (Микрофильм рукописи: Bibliothèque Nationale. Ms. fr. 6682. P.203.)
- ¹⁵ Bibliothèque Nationale. Département des estampes. Collection de Vinck. Inventaire analytique. P., 1849. T.1. P.8283.
- ¹⁶ Bibliothèque Nationale. Département des estampes. Collection de Vinck. Inventaire analytique. N 9, 122, 128, 204, 456459, 461468, 1324 1362 1389.
- ¹⁷ Именно такую репутацию имел и Людовик XII, и Генрих IV.
- ¹⁸ Особенно курьезна подпись к эстампу, изображающему Людовика XVI в окружении его обычных спутников, Людовика XII и Генриха IV: "16 = 12 + 4. Доказывается сложением. Людовик XII — Друг народа. Генрих IV — Отец подданных. Людовик XVI — и то и другое" (Bibliothèque Nationale. Département des estampes. Collection de Vinck Fol 64. N 462).
- ¹⁹ См., например: Procès-verbal de l'assemblée générale extraordinaire du clergé de France, tenue à Paris, au couvent des Grands-Augustins, en l'année 1782. P., 1783. P.267.
- ²⁰ Об образовании и воспитании Людовика XVI написано много. См., например: Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue P., 1974. T.2. P.25-26; Hardman J. Louis XVI. Yale, 1993. P. 17-26.
- ²¹ Correspondance secrète inédite sur Louis XVI... T.1. P.62.
- ²² Ibid. P.52.
- ²³ В силу хорошо усвоенных с детства уроков он и мог быть только абсолютным монархом; изменить этому амплуа и стать конституционным монархом он так и не смог.
- ²⁴ О политических идеях Фенелона см.: Gallouédec-Genuys F. La conception du prince dans l'oeuvre de Fenelon. P., 1963.
- ²⁵ OEuvres de Louis XVI. P., 1864. P.193.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Correspondance secrète inédite sur Louis XVI... T.1. P.7, 67. В действительности, как убедительно показал в своем исследовании Дж.Хардман, в руководстве внешней политикой король действовал самостоятельно и с полным знанием дела; поддержка восставших американских колонистов, в том числе и военная, была им санкционирована с самого начала и осуществлялась под его руководством (Hardman J. Op. cit. P. 88—100).
- ²⁸ Habermas J. L'espace publique. P., 1992. P.17-23. 38-41.
- ²⁹ См., например: Correspondance secrète inédite sur Louis XVI... T.1. P.172-173, 254; Journal de Paris. 23 Déc. 1778. N 357; 26 Oct. 1781 N 299.
- ³⁰ Journal de Louis XVI. P., 1873; Journal de Louis XVI. P., 1900.
- ³¹ Угасание "представительной жизни", сокращение числа публичных церемоний было во Франции общей тенденцией на протяжении XVIII в. Обычно это аргументировали, во-первых, опасностью беспорядков и, во-вторых, необходимостью экономить (высказывалось мнение, что вместо дорогостоящих празднеств с фейерверками лучше помогать бедным, что вполне соответствовало образу короля-благодетеля).